
DOI: [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2018.2\(30\).150592](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2018.2(30).150592)

УДК 130.2

Виктор Левченко

БРАТСТВО СВЯТИТЕЛЯ ФОТИЯ И ГАЛЛИКАНСКАЯ ЛИТУРГИЯ

Данная статья посвящена реконструкции сюжета, важного для истории русского религиозно-философского возрождения. Основное внимание уделяется теоретическому анализу проекта по созданию православного религиозного ордена Братства святителя Фотия, связывающего верность православной традиции и ориентацию на древнегалликанский литургический обряд христианской церкви до времени раскола на западную и восточную церкви.

Ключевые слова: *парижское богословие, братство святителя Фотия, православный религиозный орден, галликанская литургия, св. Герман Парижский.*

Написанию этой статьи предшествовали некоторые события моей личной биографии. Несколько лет назад я присутствовал на воскресной мессе в знаменитом Миланском соборе, которая показалась мне достаточно непривычной. Позднее я узнал, что она действительно отличалась от общепринятой в римско-католическом мире так называемой римской (или григорианской) литургии и является местной по форме обряда – амброзианской – и основы ее обряда заложил один из великих отцов западной церкви архиепископ Милана святой Амвросий Медиоланский в IV столетии. Когда же я заинтересовался жизнью и судьбой знакового для Одессы второй половины XX века интеллектуала Николая Алексеевича Полторацкого, который был в свое время руководителем парижского Фотиева братства, то выяснил для себя, что деятельность этого православного общества ритуально выстраивалась через попытку восстановления и реконструкции одного из древних литургических обрядов – галликанской литургии, казалось бы давно исчезнувшей под давлением римского обряда формы мессы (см.: [2]). Таким образом произошло как бы «закольцовывание» моего исследовательского внимания к древним формам литургической жизни (см., например: [3]) и попыткам найти ответ на вопрос о всплывании активной заинтересованности среди русского эмигрантского православного студенчества к архаическим и вроде бы неактуальным формам церковной деятельности.

Возникновению в Париже в 1925 году Фотиева братства, полное название которого было «Православное братство во имя иже во святых отца нашего Фотия, Архиепископа Константинополя нового Рима, Патриарха Вселенского, исповедника», мы обязаны активности молодых русских эмигрантов первой волны эмиграции, которые поставили перед собой цель осмыслить результаты рассеяния русского православия для судьбы мирового христианства и обнаружения своего места в происходящих духовных процессах и исторических обстоятельствах.

Большей своей частью они были студентами недавно открытого в Париже по инициативе митрополита Евлогия (Георгиевского), возглавлявшего в те годы русские приходы Западной Европы, Православного Свято-Сергиевского Богословского Института (или как его еще называют Сен-Сержа). Целью или можно даже сказать миссией Института были подготовка лаиков (мирян) и клириков для церковного служения, а также развитие традиций русского богословия и приобщение к лучшим достижениям мировой теологической мысли. Организовывал работу Института о. Сергей Булгаков, а читали курсы там такие выдающиеся религиозные мыслители и профессора как историки Антон Карташёв и Георгий Федотов, философы Борис Вышеславцев и о. Василий Зеньковский, богослов о. Георгий Флоровский и многие другие авторитеты. Изначально и вплоть до нашего времени в учебных планах и исследовательской деятельности большое внимание уделялось изучению литургического богословия, что скорее всего и проявилось в такой значительной заинтересованности к литургической тематике основателей и активистов Братства святителя Фотия.

Молодые люди, которые по возрасту не могли принимать участие в предшествующих исторических событиях (революция и Гражданская война), пытались найти свое место в этом новом мире. Согласно общераспространенной среди них позиции те события были предопределены Божественной волей для выполнения высшей миссии. Так, основатель Братства Евграф Ковалевский (представитель знаменитой семьи, игравшей такую большую роль в жизни и творчестве великого украинского философа Григория Сковороды) будучи мальчиком, еще в 1920 году в Константинополе оставляет записку в русском храме, «в которой говорится, что Господь попустил революцию, чтобы очистилась Церковь и Православие распространилось по всему миру» [5, с. 16].

Распространение и утверждение Православия в новых условиях, то есть актуальных обстоятельствах жизни этих молодых людей, могло быть успешным при попытке органично привязать его к местным духовным традициям, а именно французских. Но таковыми могли быть те, которые основывались на фундаменте базовых принципов и положений до раскола единой христианской Церкви на восточную и западную. Недаром в качестве покровителя Братства был выбран такой выдающийся борец с филиокве в Символе Веры, святитель XIX века патриарх Константинопольский Фотий. По большому счету уже этот выбор был в какой-то степени програмен.

При этом им надо было в новых социальных условиях двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия продемонстрировать свое стремление к чистоте Православия, но и показать свою любовь и причастность к Западу. При этом им было необходимо так открывать Православие западному миру так, чтобы оно не выглядело экзотической и чуждой для местного христианства религиозной формой. Поэтому основатели и деятели Братства искали способ показать, что Православие есть такое сокровище, которое спрятано на собственном духовном поле Запада, и можно его извлечь, обратившись к древним формам христианской жизни Франции времен еще неразделенной церкви. Такой формой, обнаруженной Евграфом Ковалевским, Павлом Евдокимовым, Владимиром Лосским и компанией, и был Галликанский обряд.

Собственно, происхождение галликанского литургического обряда довольно не определимо и туманно. Согласно одним исследователям он был занесен на территорию Галлии из Антиохии Сирийской через Милан и Лион, согласно же другим он являлся разновидностью таких обрядов как миланский (амброзианский) и мосарабский. Главным источником по содержанию галликанского обряда являются письма св. Германа, епископа Парижского (св. Жермена), в которых есть много описаний как порядка литургии, так и музыкальной компоненты.

Церковная музыка той эпохи отличалась большим разнообразием, включением мелодизмов местного происхождения, что вызывало сильное раздражение авторитетных иерархов вплоть до отцов церкви. Известны опасения по отношению к церковной музыке, высказанные в свое время св. Августином в своей «Исповеди», где он говорит о том, что ее красота может отвести христианина от мыслей о Боге и превращается во время службы в самодостаточный источник наслаждения, или Афанасия Александрийского, заменившего по этим же причинам музыкальное сопровождение службы мелодекламацией. Все это продолжалось до конца

VI столетия, когда св. папа Григорий I Великий в своем знаменитом антифонарии не прихлопнул это музыкальное многообразие и импровизацию и не ввел унификацию в виде своего григорианского хора и навязал в пространстве западного мира единство Римской литургии.

Особенностью Галликанской литургии была свобода музыкального выражения, что отмечалось в впечатлениях Венанция Фортуната, выдающегося поэта (как его называют современные историки культуры – «последнего поэта античности») и, впоследствии, епископа Пуатье. Фортунат с энтузиазмом описывает величественность служб, руководимых св. Германом Парижским, отмечая с пафосом присутствие им необыкновенную выразительность музыкальной составляющей. Тут и дети во время мессы поют, «настраивая свои голоса, как тонкие флейты» [4, с. 304], и голоса сравниваются со многими инструментами – «дети настраивают свои голоса на манер маленьких флейт, из уст стариков исходит звук больших труб... Раздается пение многочисленных голосов, голоса цимбал смешиваются с пронзительными флейтами, и свирель нежно звучит в неравных тропях, флейта детей смягчает резкий барабан стариков и гармоничные слова заменяют лиру... Одна модуляция поднимается постепенно, другая, более стремительная, восхищает» [4, с. 305–306]. Восторг верующих перед св. Германом Парижским доходил до того, что они слизывали чернила его писем, чтобы таким своеобразным способом получить благословение от святого (см.: [4, с. 306]), чем, например, Евграф Ковалевский объясняет небольшое количество текстов св. Германа, сохранившихся и дошедших до наших времен.

Однако в отличие от амброзианского литургического обряда, активно удерживаемого авторитетным миланским епископством вплоть до св. Карла Борромини в церковных службах в противовес римскому обряду, для галликанской литургии не нашлось после смерти св. Германа сильного защитника и она была выведена за рамки церковной службы с VII века. Лишь в первой половине XX века она была реконструирована в некоторых французских приходах так называемого Западного Православия (то есть вышедших из подчинения римско-католической церкви и перешедших под омофор одной из православных церквей – константинопольской, румынской или сербской) и активно раскручивалась членами Фотиевского братства.

Это стремление реконструировать исторически архаичные

литургические формы находится так сказать в тренде тенденций эпохи fin de siècle с ее игровыми попытками воспроизвести казалось бы давно ушедшие исторические обряды и ритуалы. Можно в связи с этим вспомнить одного из наиболее знаковых фигур русской эмиграции Вячеслава Иванова и его окружение, пытавшихся воспроизвести оргиастические действия античности, или французский пример с известным деятелем декаданса и модерна Жозефом Пеладом. Последний манифестировал себя как маг, рыцарь святого Грааля, называл самого себя титулом «сар» (что с древнеперсидского переводилось как «маг»), и стал инициатором создания мистического «Католического ордена розы и креста». Пеладон ходил по парижским улицам и набережным Сены в атласном камзоле черного и синего цвета, носил большую, завитую как у песонажей на ассирийских рельефах черную бороду и даже появлялся перед посетителями на художественных выставках в костюме средневекового рыцаря, пока его вторая жена не запретила ему заниматься подобной самодеятельностью.

Точно также поступали и участники Фотиева братства. Например, согласно оценке одного из первых исследователей Фотиева Братства Элизабет Бер-Сижель, это объединение было замкнутой, «на грани эзотеризма», религиозной организацией, построенной по образцам средневековых католических орденов, причем вступление в него осуществлялось согласно церемониям посвящения, подобных рыцарским посвящением (см.: [1]). Все это не было безобидными играми, как и другие подобные исторические реконструкции, что часто приводило к противоречию между высокими универсалистским заявляемыми целями и слишком мелкими и умершими формами их воплощения. Примером такой моральной ущербности является активность братчиков в разгроме имяславия их учителя о. Сергия Булгакова уже в тридцатых годах прошлого столетия.

Список использованной литературы

1. Бер-Сижель Е. Первый франкоязычный православный приход // Западное православие. Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А. Н. Катчук.– Одесса: Optimum, 2015.– С. 450–468.
2. Голубович И. В., Левченко В. Л. Парижское богословие, Фотиево братство и Николай Полторацкий: смыслы–символы–шифры // Значение – смысл – символ – III: Теология, философия и эстетика на рубеже веков: Материалы международной научной конференции, 26–28 ноября 2018 г. Рим, Италия /

- Под ред. А. И. Резниченко.– М.: РГГУ, 2018.– С. 64–67 с.
3. Ковалева Н., Левченко В. Сакральное и мусическое: от мистерии к опере // Дóща / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. ОНУ ім. І. І. Мечникова. Вип. 1 (29). Про сакральне-1.– Одеса: Акваторія, 2018.– С. 142–156.
  4. Ковалевский Е., протоирей. Святая Месса по древнему галликанскому обряду, или Литургия по Святому Герману Парижскому // Западное православие. Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А. Н. Катчук.– Одесса: Optimum, 2015.– С. 301–383.
  5. Панков А., Полторацкая А. Роль Николая Алексеевича Полторацкого в деятельности Фотиева братства // Западное православие. Братство святителя Фотия: Переводы Николая Алексеевича Полторацкого / Сост. А. Н. Катчук.– Одесса: Optimum, 2015.– С. 9–30.

Віктор Левченко

БРАТСТВО СЯТИТЕЛЯ ФОТІЯ І ГАЛЛІКАНСЬКА ЛІТУРГІЯ

Дана стаття присвячена реконструкції сюжету, що важливий щодо історії російського релігійно-філософського відродження. Основна увага приділяється теоретичному аналізу проекту зі створення православного релігійного ордену Братства святителя Фотія, який зв'язує вірність православній традиції та орієнтацію на давньогалліканський літургійний обряд християнської церкви до часу розколу на західну і східну церкви.

Ключові слова: паризьке богослов'я, братство святителя Фотія, православний релігійний орден, галліканська літургія, св. Герман Паризький.

Viktor Levchenko

FRATERNITY OF THE HOLINESS PHOTIUS AND GALLICAN LITURGY

This article contributes to the reconstruction of the important for the history of Russian Religious and Philosophical Renaissance plot. The focus is on a theoretical analysis of the project to create an Orthodox religious order - Fraternity of the Holiness Photius, connecting loyalty to the Orthodox tradition and orientation to the ancient Gallican liturgical rite of the Christian church before the time of schism.

Keywords: Parisian Theology, Fraternity of the Holiness Photius, an Orthodox religious order, Gallican liturgy, st. Herman of Paris.

References

1. Ber-Sizhel E. (2015) Perviy frankoyazychnyy pravoslavnyy prihod [First French-speaking Orthodox parish], *Zapadnoe pravoslavie. Bratstvo svyatitelya Fotiya: Perevodyi Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo*, sost. A. N. Katchuk, Odessa, Optimum, pp. 450–468.
2. Golubovich I. V., Levchenko V. L. (2018) Parizhscoe bogoslovie, Fotievo

- bratstvo i Nikolay Poltoratskiy: smyslyi–simvoliy–shifr [Parisian Theology, Fraternity of the Holiness Photius and Nikolai Poltoratsky: Meanings – Symbols – Ciphers] *Meaning – Meaning – Symbol – III: Theology, philosophy and aesthetics at the turn of the century: Materials of the International Scientific Conference, November 26–28, 2018 Rome, Italy*, ed. A. I. Reznichenko. Moskva. RGGU, pp. 64–67.
3. Kovaleva N., Levchenko V. (2018) Sakralnoe i musicheskoe: ot misterii k opere [Sacred and musical: from mystery to opera], *Doksa. Zbirnik naukovih prats z filozofiyi ta filologiyi. ONU im. I. I. Mechnikova. Vyp.1 (29). Pro sakralne-1, Odesa, Akvatoriya*, pp. 142–156.
  4. Kovalevskiy E., protoirey (2015) Svyataya Messa po drevnemu gallikanskomu obryadu, ili Liturgiya po Svyatomu Germanu Parizhskomu [The Holy Mass according to the ancient Gallican rite, or the Liturgy of the Holy Herman of Paris], *Zapadnoe pravoslavie. Bratstvo svyatitelya Fotiya: Perevodyi Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo*, Sost. A. N. Katchuk, Odessa, Optimum, pp. 301–383.
  5. Pankov A., Poltoratskaya A. (2015) Rol Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo v deyatel'nosti Fotieva bratstva [The role of Nikolai Alekseevich Poltoratsky in the activities of the Fraternity of the Holiness Photius], *Zapadnoe pravoslavie. Bratstvo svyatitelya Fotiya: Perevodyi Nikolaya Alekseevicha Poltoratskogo*, Sost. A. N. Katchuk, Odessa, Optimum, pp. 9–30.

Стаття надійшла до редакції 1.12.2018.

Стаття прийнята 16.12.2018.